

Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com

Наваждение Джона Стейнбека (1902 -1968)

(к 27.02.2012 – 110 - летию со дня рождения американского писателя)

Джон Стейнбек - лауреат Пулитцеровской и Нобелевской премий - художник яркий, выразительный, остро переживающий проблемы человечества. Американские критики включают его в число лучших наряду с Хемингуэем, Фолкнером и Вулфом.

Вот как он сам писал о своем труде:

«Окончание работы для писателя - это маленькая смерть. Он записывает последнее слово, и все кончено. Но на самом деле не кончено. История идет вперед, оставляя писателя позади, потому что ни одна история никогда не кончается».

Славу и деньги принес Стейнбеку *«Квартал Тортилья-Флэт»* - окрашенное юмором повествование о четверых «пайсано», связанных истинной мужской дружбой. Роман стал бестселлером и был экранизирован. Более поздние творения Стейнбека *«Гроздь гнева»*, *«К востоку от Эдема»*, *«Заблудившийся автобус»* и *«Зима тревоги нашей»* закрепили за ним репутацию писателя первого ряда не только в американской, но и в мировой литературе.

21 февраля 2012 года в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК состоялся *вечер-портрет «Джон Стейнбек: Удержатъ любовь»*.

На нем библиотекари вместе со своими читателями попробовали поближе прикоснуться к биографии писателя и выяснить, каким был Джон Стейнбек в жизни? Откуда взялась его тяга к саморазрушению? Почему он решил, что никогда не умел любить? Отчего любившие его женщины не хотели принимать его таким, каким он был? И что за наваждение преследовало писателя всю жизнь?

Итак...

Запах детства

Дом его родителей в калифорнийском городке Салинасе предназначался для продажи. Так было решено давным-давно после того как скончался отец. Мать ушла еще раньше, жить в Салинасе не собирались ни он, ни его сестра **Мэри** - к чему содержать никому не нужную недвижимость? Были и покупатели, но с кем-то они не сошлись в цене, другие передумали, и беспризорный дом стоял пустым, постепенно ветшая: в нем не жили, им не занимались. И вот теперь, в 1948 году, он дождался своего часа.

...Отперев входную дверь, Джон Стейнбек почувствовал знакомый с детства запах: так пахнет дерево, впитавшее аромат отцовского трубочного табака и матушкиных пирогов с корицей, так пахнут старые ковры и книги - а теперь к этому примешивалось что-то еще. Запах пыли, плесени, отсыревших простыней: это был запах смерти, пустого, брошенного жилья...

Ну, ничего, он проветрит комнаты, выколочит половики, просушит белье, скосит траву во дворе. А если будет надо, то и покрасит, приколотит, починит крышу: отец научил его всему, что должен уметь хозяин, - он преподавал первые уроки, университетом же стала жизнь. Тому, кто работал чернорабочим, матросом, рабочим на консервном заводе и сборщиком фруктов, нечего бояться возни по дому - он видал разные виды и выжил, не пропадет и теперь.

К вечеру дом был проветрен и выметен, ковры выколочены, а на крыльце стояла купленная в соседнем магазинчике банка зеленой масляной краски - Джон Стейнбек решил покрасить забор.

На старый ломберный столик в гостиной он водрузил пишущую машинку: жизнь кончилась, но это не в первый раз, и ему надо работать. Писал он непрерывно и вот как сам говорил об этом своем занятии: *«Писание для меня вроде нервного тика. Я схожу с ума, когда не пишу»*.

Во дворе темно, но он не спешил зажигать свет: Стейнбек расположился в старой, помнившей его деда качалке, вытянул ноги и закрыл глаза.

Когда-то этот дом был полон голосов: мать и отец, он, сестры Мэри, Эстер и Элизабет, а по праздникам сюда часто навевывалась родня, к примеру, дядя **Том Гамильтон** из Чикаго. Теперь отец и мать умерли, сестра вышла замуж и живет далеко. А он, вечный неудачник, не имеющий ни образования, ни профессии, стал знаменитым писателем и состоятельным человеком - вот только семьи у него нет, все его браки рассыпаются, словно карточные домики...

Он остался один, и у него нет ничего, кроме ветхого дома - как хорошо, что он его не продал! Страшно подумать, что он сейчас чувствовал бы, коротая время в номере гостиницы. Там рукой подать не то что до запоя, но и до самоубийства. В Салинасе ему помогут родные стены.

Все ценное, что у него было - его архив - легко уместился в багажнике старой машины. Джону Стейнбеку было 46 лет, и он вернулся туда, где родился и вырос и где его никто больше не ждал - в собственную юность.

Возвращение в отчий дом

В первый раз он вернулся сюда в августе 1926-го, вылетев из университета, - но это еще было не то поражение, думая о котором хочется провалиться сквозь землю. Отец выбивался из сил, стремясь дать образование четверым детям: денег на учебу сына у него не хватало.

Джон провел в Стэнфорде шесть лет, работал грузчиком, чернорабочим, продавцом и посудомойщиком, пытаясь наскрести денег на учебу. А когда в карманах начинали шуршать лишние доллары, пропадал в барах и играл в покер на деньги. Карьера психолога не слишком его увлекала, и он сидел на каждом курсе по два года: на университет ушла прорва времени, но до диплома было еще далеко.

Ну, и что - зато он начал писать рассказы, и их с удовольствием печатали в университетском альманахе. Родители не упрекали его за то, что он так и не получил диплома: отец хмурился, но помалкивал, мать старалась откормить блудного сына.

Зато второе возвращение оказалось ужасным - тогда он привез с собой жестокий комплекс неполноценности и разбитое сердце...

Тут он вспомнил певицу **Мэри** из маленького нью-йоркского кабаре, вскружившую ему голову двадцать два года назад, и настроение у него испортилось окончательно.

Вечером его ожидал сюрприз: от нечего делать он стал разбирать то, что покойница - мать называла *«семейным архивом»*, - лежавшие на самом дне дедовского секретера картонные папки с бумагами, и наткнулся на свое старое письмо.

«Дорогие мама и папа, я познакомился с чудесной девушкой! Возможно, в моей жизни произойдут большие перемены...»

Он перечитал письмо, подумал, что сейчас оказался бы кстати хороший стакан неразбавленного виски, как следует взвесил эту мысль и отверг ее. Это было бы недостойно мужчины. Надо же, в конце концов, разобраться, кто из них двоих сильнее - он или его желание как следует выпить и расслабиться, забыв о том, что его тревожит?

Стейнбек сунул письмо в грудку бумаг, убрал папку на прежнее место и хмыкнул: *«... Чудесная девушка. Большие перемены. Ничего, малыш, скоро ты получишь по носу...»*

Покорить Нью-Йорк

В 2006-м году, отсидевшись дома, отъевшись и отдохнув, он отправился покорять Нью - Йорк: там он надеялся найти работу и стать писателем. Услышав об этом, отец помрачнел, сказал, что такой профессии не существует и лучше бы он нашел дело понадежнее. А потом смирился: в молодости сам хотел стать актером и узнавал в сыне себя. Все равно жизнь расставит все по своим местам.

Денег на железнодорожный билет не было, и он решил добираться в Нью-Йорк морем, нанявшись матросом. На берегу он пил ром в портовых кабачках с другими матросами, флиртовал с местными красотками, а спать устраивался на палубе, под яркими южными звездами. Ему снился огромный, сияющий огнями город, белокурая девушка, поющая перед замороженным залом, их прогулка по ночной улице, первый поцелуй...

Мери - первая любовь

Все исполнилось - вот только явь оказалась не совсем похожа на сон. Дома оказались выше, чем ему снилось, город больше, на улицах валялся мусор, а белокурая красавица курила и из напитков предпочитала текилу. По-английски она говорила с легким ирландским акцентом, ее волосы оказались крашеными. Но это не имело значения: он влюбился сразу и, как тогда казалось, на всю жизнь.

Однажды вечером, сидя за стойкой в ночном клубе в Гринвич Виллидж, он увидел, как на эстраду вышла девушка из его сна - высокая блондинка с большими голубыми глазами. Она подошла к краю эстрады, оглядела зал, и публика смолкла. Девушка и впрямь была хороша, от нее шел сильнейший эротический ток. Каждому из тех, кто сидел за столиками, казалось, что она смотрит именно на него: мужчины приглаживали волосы и расправляли плечи.

А потом она запела низким, чуть хриловатым голосом, и у Стейнбека закружилась голова, ему захотелось подняться на сцену, схватить ее в охапку и унести. Но это было чистым безумием: не мог же он ее отвести на седьмой этаж трущобы в рабочем квартале с грязным туалетом на этаже и полом, покрытым дырявым линолеумом?

Через неделю Джон пришел в бар с букетом. Он подстерег красавицу у служебного выхода, вручил ей цветы, произнес загодя заготовленную фразу: *«Я ваш поклонник, меня зовут Джон...»*, но тут его взяли за плечо и грубо отодвинули в сторону. Это сделал рослый мужчина в дорогом двубортном костюме. Он протянул певице букет цветов и распахнул перед ней дверцу автомобиля.

Стейнбек шагнул вперед, чтобы ударить обидчика в челюсть, но девушка ловко вклинилась между ними, улыбнулась, обращаясь к нему: *«Очень приятно. Я Мэри»*, и села в машину. «Форд» укатил, а он долго глядел ему вслед.

Таким был пролог к его первой любви: вечер, дождь, огни отъезжающей машины и стоящий на мостовой несчастный 24-летний мальчишка, впервые почувствовавший, что значат слова *«разбитое сердце»*. Он вернулся домой, лег на скрипучую железную кровать и уставился в серый потрескавшийся потолок: как жить, если нет ни капли надежды?

Впрочем, через несколько дней все изменилось, - он получил шанс, о котором не смел и мечтать. Добрым волшебником оказался его дядя **Том**, богатый бизнесмен из Чикаго.

Утром следующего воскресенья Джон заглянул к **Эстер**. Он жил у нее после того, как приехал в Нью-Йорк. Сестринская квартирка состояла из единственной комнатки, большую часть которой занимала кровать. На ней спали Эстер и ее муж, Джону же приходилось ночевать в коридоре. Это зять нашел ему работу на стройке, а сестра ссудила его тридцатью долларами.

Жили они скудно, но сейчас из кухни доносился аромат запеченного с яблоками гуся, а на столе стояла бутылка шампанского. Его принес с собой дядя **Джозеф**: он сидел во главе стола, потягивал вино из широкого бокала и улыбался.

Седой краснолицый толстяк нечасто появлялся у них в Салинасе и всегда привозил грудку подарков: жены в дядином доме не приживались, детей у него не было, и в племянницах и племяннике он души не чаял. Дядюшка приготовил сюрпризы: он вручил Эстер двести, а Джону сто долларов и замахал руками, услышав, что это долг, который племянник непременно вернет.

Затем дядя Джозеф выдержал паузу и сказал, что Джона ждет место в газете «*Нью-Йорк Америкен*». Главный редактор - его старый друг, и он берет парня репортером городских новостей с окладом двадцать пять долларов в неделю.

Племянник сидел, оглушенный неожиданно свалившимся на него счастьем, и не знал, что ответить. Двадцать пять долларов! Ужин на двоих в приличном ресторане обойдется в два-три доллара, а еще он завалит Мэри букетами: держись, здоровяк из черного «Форда»!

...Двадцать пять долларов в неделю...

Да, по тем временам это было круто: получив первую зарплату, он сразу рассчитался с хозяином своей протараканенной клетушки, перебрался в приличную квартиру и приоделся. В ночной клуб он заявился в новом костюме, блестящих башмаках-оксфордах, с букетом ярко-алых роз. Среди стеблей и листьев он спрятал небольшую коробочку с золотой брошью...

Работа в «Нью-Йорк Америкен»

С годами Джон все больше пил, во хмелю делался мрачен и всегда вспоминал прошлое: 1926 год, Нью-Йорк, свою первую любовь. Надо было ее удержать, тогда, возможно, его жизнь сложилась бы иначе! Но можно ли было это сделать?

Приезжая в Нью-Йорк, Стейнбек часто приходил в клуб, где когда-то назначал свидания Мэри, - теперь там был рестораник. Садился за столик, делал заказ. Здесь неплохо кормили, ему нравилась местная кухня. А в молодости это место казалось ему просто прекрасным: что взять с не знающего жизни парня, с треском заваливающего работу в газете?

Однажды он пришел сюда запыхавшийся и усталый: редактор отправил его на Сорок вторую улицу, где произошло убийство, а он сначала приехал на Перл-стрит и опоздал на Сорок вторую часа на два. Тело застреленного Джона Джеймисона по прозвищу Черный Перец, известного всей округе сутенера и содержателя подпольной лотереи, давно лежало в морге, а свидетели, которых он должен был опросить, разошлись по домам.

Прекрасная история с автоматной очередью, сразившей ветерана нью-йоркского криминального мира на пороге парикмахерской, где он только что постригся, разошлась по другим газетам, а «Нью-Йорк Америкен» осталась ни с чем. Причина была в том, что Стейнбек совсем не знал города и путался в улицах: он почти всегда опаздывал и часто попадал не туда.

Друживший с его дядей главный редактор не спешил избавиться от новичка и перевел его в судебные репортеры. Теперь ему не требовалось носиться по городу, но им все равно были недовольны - Джон совсем не знал законов и постоянно попадал впросак. Сталкиваясь с ним в коридоре, главный редактор отворачивался.

В 1926 году Джон сидел в клубе, то и дело поглядывая в окно, не мелькнет ли на улице красный плащ и светлые волосы под черной шляпкой? Они должны были наконец объясниться: останется ли она с ним, если его уволят из газеты? На жизнь он станет зарабатывать писательством. Будет как одержимый стучать по клавишам пишущей машинки, не зная, удастся ли продать то, над чем он корпит. Поверит ли она, что впереди его ждет слава?

Мэри не поверила - она была девушкой практичной. Вскоре его первая любовь вышла замуж за банковского клерка.

Кэрол - любовь вторая, или Домик на песке

В Салинас он вернулся с разбитым сердцем и вскоре познакомился с Кэрол, милой, заботливой и надежной. Поначалу все было хорошо. Но после того, как судьба дала ему то, о чем он мечтал, пришла скука - и первый брак начал разваливаться.

В Салинасе хорошо помнили Кэрол, его первую жену. Всем соседям она казалась сущим ангелом. Да и кто еще выйдет замуж за человека без профессии, кропающего никому не нужные книги, которые никто не печатает? Она работала в офисе и содержала мужа на свою зарплату. Жили он в деревушке Пасифик-Гров в бывшем летнем домике родителей Джона, ездили на старом, разваливающемся на ходу «Форде» - соседи никак не могли понять, почему такая приятная женщина терпит подобную жизнь.

Затем Стейнбек прославился и разбогател. После того как вышел «Квартал Тортилья-Флэт», каждая его книга становилась бестселлером. Они с женой завели прекрасный лимузин, газеты писали о них в рубрике «Светская хроника». Но Кэрол выглядела все грустнее и грустнее, и в один прекрасный день газеты написали, что мистер и миссис Стейнбек разводятся после двенадцати лет брака. Соседи решительно ничего не понимали, и в конце концов решили, что союз их распался из-за отсутствия детей.

Кэрол могла бы объяснить им, в чем на самом деле причина, но она никогда ни с кем не откровенничала. Никто не узнал о том, что их жизнь затрещала после того, как Джон добился успеха. Нужда сплывала, у них не оставалось ни сил, ни времени думать о том, не построены ли их отношения на песке.

Нужны были деньги на хлеб, бензин и ремонт машины. Ему же надо было писать. Тогда они были командой, какое-то время это продолжалось и после того, как к нему пришла слава: они с женой колесили по стране, собирая материал для книг, держались спиной к спине, когда ему сулили иски за клевету, угрожали поджогом.

А потом он стал пить, начались бесконечные ссоры, и их жизнь стала расплзаться по всем швам, словно истлевшая одежда, - отправить на помойку жалко, но и носить нельзя...

Однажды Кэрол собрала вещи и ушла, напоследок заявив, что он никогда ее не любил. Теперь, через шесть лет после первого развода, ему казалось, что это - правда: Джон боялся себе признаться - любить он действительно не умел, не получалось.

Гвендолин, или И грянул гром...

Стейнбек коротал вечер на кухне. Уютно потрескивал камин, на плите гудел кофейник, на душе, как это ни странно, было легко - тот, кто все потерял, ни о чем не жалеет. Его первый брак длился двенадцать лет, второй продержался только четыре года: он влюбился в певицу из Лос-Анджелеса, приехавшую в Нью-Йорк на гастроли и сделал ей предложение на пятый день знакомства.

Теперь ему кажется, что **Гвендолин** ответила «да» только потому, что ей льстила слава Стейнбека. Впереди были два года счастья, год обоюдного уныния и год четвертый, окончательно погубивший их брак: она тосковала по Голливуду, он снова начал пить.

Джон Стейнбек сорвался, когда жена была в отъезде. Стоявшая в баре бутылка бурбона быстро опустела, за кукурузным виски последовали граппа и французский коньяк - а вечером домой вернулась жена. Она должна была задержаться еще на несколько дней, но, видно, ей позвонили и сказали, что у мужа снова начался запой. Гвендолин сорвалась и примчалась в Нью-Йорк из Салинаса, оставив детей с подругой.

Позже он никак не мог вспомнить, что между ними произошло: зеркало разбито вдребезги, письменный стол перевернут, на обоях пятно, от которого разит спиртным... Во хмелю он бывал буен и часто делал вещи, за которые потом становилось стыдно, но на

этот раз превзошел самого себя. Утром он проснулся с мерзким привкусом во рту и сильнейшей головной болью.

Знаменитый писатель Джон Стейнбек обнаружил себя лежащим на диване полностью одетым и в ботинках. Это поразило его больше всего - уж ботинки-то Гвендолин могла бы с него снять! Но худшее было впереди.

Завтрака в этот день он так и не получил. Жена встретила его на кухне одетая в черное и смертельно бледная, и он, растерявшись и слегка струхнув, спросил, не умер ли кто из ее родни. Гвендолин ответила, что она действительно пережила огромную потерю: вчера вечером у нее скончался муж. Их семейная жизнь подошла к концу: любовь давно ушла, и она жила с ним только ради детей, но это тоже лишилось смысла. Он не хозяин своего слова: кто обещал бросить пить? Кто клялся, что никогда больше не скажет ей ни одного грубого слова, не поднимет на неё руку?

Из того, что случилось вчера вечером, он не помнил ничего и не знал, как себя вести: промямлил что-то примирительное, попытался взять её ладонь в свою, но Гвендолин отшатнулась от его руки, как от гремучей змеи. Он попробовал ее успокоить:

-А как же дети? И наш дом? Послушай, ведь за эти четыре года мы с тобой построили наш общий мир...

В ответ он услышал, что дети, разумеется, останутся с ней, а их мир давно рухнул, и виноват в этом он - его любовь к выпивке и неумение себя контролировать.

Кофе выкипел, залил плиту, часы пробили девять раз. Он взглянул на них и подумал, что ему, по крайней мере, запомнится, когда отдала богу душу его семейная жизнь. Голос жены доносился глухо, как сквозь вату. Она говорила, что свяжется с адвокатом, что его долг - обеспечить её и детей, и что особняк на Манхэттене должен отойти ей...

Джон Стейнбек плохо понимал, о чем она ведет речь, но машинально кивал головой. Произошло непоправимое, все остальное большого значения не имело.

Все было сделано так, как того хотела Гвендолин. Он перевел на ее имя большую часть денег со своего банковского счета, оставил ей нью-йоркский дом со всей обстановкой, а себе забрал лишь одежду, которой у него было немного, да груду старых бумаг - его архив.

Кончилось все тем, чем и должно было закончиться. Но у него есть двое отличных ребят, и его адвокаты выговорили право видеться с ними, когда он пожелает...

Разговоры по душам, или Неужели я никогда не буду счастлив?

Спустя годы к Стейнбеку как-то заглянул университетский друг **Тоби Стрит**, живущий неподалеку. Они славно поболтали, Стейнбек пожаловался на своих женщин: Кэрол ушла, не пожелав ничего объяснить, а теперь он потерял и вторую жену.

-Что за дела, друг?- недоумевал Стейнбек.- Неужели я никогда не буду счастлив?

Затем они выпили. Джон опять сорвался, но на этот раз обошлось без мордобоя - Тоби был ему как брат, он помнил об этом и во хмелю. Проснувшись наутро, Стейнбек не мог разобраться, где он и сколько ему сейчас лет: накануне Джон подробно вспоминал свое первое путешествие в Нью-Йорк, и то, что он сейчас чувствовал, как две капли воды походило на тогдашние пробуждения. Головная боль, ломота в костях, отвращение к самому себе и ужас перед наступающим днем - надо было встать, позавтракать тушенкой и бежать на стройку.

Он вспоминал, как, придя домой, в маленькую, выкрашенную масляной краской комнату, с тускло горевшей под потолком лампочкой без абажура, он наскоро перекусывал и валился на кровать - у него не было сил ни читать, ни писать.

В те времена по воскресеньям Джон Стейнбек старался развлечься и забыть о плохом: чистил ботинки, надевал свой лучший костюм и отправлялся в бар. Широко гу-

лгать он себе позволить не мог, но на скромную выпивку денег хватало, и бар Джон каждый раз выбирал новый - это придавало жизни хоть какое-то разнообразие.

... Стейнбек еще долго просыпался бы, то проваливаясь в 1926 год (он протягивает Мэри букет, и та сразу его узнает: «*Какая прелесть. Я вижу, вы разбогатели!*»), то возвращаясь в 1948, но тут в комнату вошел Тоби с большим стаканом «снабберса» - изобретенной им самим опохмелки. «Снабберс» - жуткий коктейль из взбитых в миксере яиц, томатного сока, водки и красного перца - пробирал до костей. Джон сразу вернулся к реальности и подумал, что с выпивкой пора завязывать.

Тоби тем временем приготовил завтрак: старый друг знал толк в стряпне, сосиски с фасолью удались на славу. Потом они расположились на веранде, пили пиво и говорили о женщинах.

Скромница Кэрол оказалась другом и помощницей, поддерживала, пока он оставался никем: был управителем и сторожем, вкалывал на фабрике и писал книги, не приносящие ни денег, ни славы. Гвендолин же была настоящей королевой - красавица, умница, замечательная певица, на нее заглядывались все мужчины! Они были такими разными, и обе его бросили. Почему, неужели дело только в том, что он время от времени напивался?

Тоби напустил на себя важный вид и сказал, что последняя подружка часто таскала его к психоаналитику, он часами лежал у него на кушетке и потратил кучу денег. Джейн все равно от него ушла, зато он многому научился и теперь способен решить проблему друга:

- Твоя проблема в том, что на самом деле ты любил не их, а кого-то другого. Девчонку, много лет назад оставившую тебя с носом. Тебе надо было устроить свою жизнь, вот ты и сделал предложение Кэрол, а потом и Гвендолин. Но ничем хорошим это кончиться не могло, в конце концов, женщина всегда почувствует, что ее дурят. Да и себя до бесконечности обманывать нельзя, поэтому ты запивал, потому и срывался.

А может, ты никогда и не умел любить - отсюда твоя тяга к саморазрушению. Тебе надо найти ту, в которую ты когда-то был влюблен, или жениться на даме, которая будет видеть тебя насквозь и примет таким, какой ты есть. Ты должен стать чьей-то великой любовью!

Очередной поворот судьбы

Джон Стейнбек налил себе кофе и подумал, что уже никогда не будет счастлив:

- ...Надо быть реалистом, песенка спета. Чего может ждать от судьбы сорокашестилетний мужчина с двумя разводами, пристрастием к кукурузному виски и фантомной влюбленностью в певичку из дешевого кабаре, от которой у него даже фотокарточки не осталось? Это не судьба, а диагноз...

Через год на премьере фильма «*Вива, Санама!*» по его сценарию, он познакомился с актрисой **Элейн Скотт**, женой известного голливудского актера, дочкой богатого нефтепромышленника из Техаса. Хотя ему уже под пятьдесят, а она совсем молодая женщина, и ее муж обаятелен и хорош собой, они так влюбились друг в друга, что Элейн пожертвовала ради него и семьей, и кинокарьерой. Они прожили вместе семнадцать лет, вплоть до его смерти, и Элейн сумела сделать мужа счастливым: он успокоился и почти перестал пить!

... Через несколько лет после свадьбы Джон Стейнбек и Элейн Скотт оказались в Лос-Анджелесе. И там, на бульваре Сансет он увидел Мэри, свою первую любовь... До сих пор ему казалось, что девушка, которую он когда-то любил, живет, не тронутая временем, что она по-прежнему стройна, ясноглаза и обворожительно цинична.

Но навстречу ему медленно шла расплывшаяся, сильно накрашенная, безвкусно одетая старая дама - и только глаза у нее остались прежними, теми же, что когда-то свели

его с ума. Она? Не она? Да нет, конечно же, это - Мэри... Толстая блондинка проплыла мимо, и Джон Стейнбек наконец избавился от наваждения, преследовавшего его всю жизнь.

Произведения Дж. Стейнбека (в хронологии написания):

- 1929 г. - роман «Золотая чаша»
- 1932 г. - сборник рассказов «Райские пастбища»
- 1933 г. - сборник рассказов «Рыжий пони»
- 1935 г. - повесть «Квартал Тортилья-Флэт»
- 1936 г. - роман «И проиграли бой»
- 1937 г. - повесть «О мышах и людях»
- 1939 г. - роман «Гроздь гнева»
- 1945 г. - повести «Консервный ряд», «Жемчужина»
- 1947 г. - роман «Заблудившийся автобус»
- 1952 г. - роман «К востоку от Эдема»
- 1954 г. - повесть «Благостный четверг»
- 1961 г. - роман «Зима тревоги нашей»
- 1962 г. - рассказ «Путешествие с Чарли в поисках Америки» (о поездке по стране)

Литература:

1. **Анисимов И.** Послесловие// Стейнбек Дж. Гроздь гнева, М., 1940
2. Джон Стейнбек// Сто великих Нобелевских лауреатов.- М.: Вече, 2004.
3. **Евтушенко Е.** Выдержанное вино из «Гроздь гнева»//Огонек.- 2002.- №32.
4. **Евтушенко Е.** Письмо Джону Стейнбеку: Стихи//Литературная газета.- 1966.- 7 июля.
5. **Злобина М.** Герои Стейнбека//Новый мир.- 1963.-№ 10.
6. **Иванько С.** Биография Джона Стейнбека// Электронная библиотека Modern Lib. Ru
7. **Левидова И.** Послевоенные книги Джона Стейнбека//Звезда.- 1962.- № 8.
8. **Макдермотт А.** Джон Стейнбек: Удержать любовь/ Алекс Макдермотт// Караван историй. - 2011.- № 5. - Стр. 158- 175.
9. Малая энциклопедия персоналий: 2000 великих людей /Сост. А.К. Золотко. С.А. Кондратьюк.- М.: ООО "Изд-во АСТ": Харьков «Торсинг», 2001. - Стр. 360.
10. **Мендельсон М.** Дважды прозвучавший вопрос//Звезда.- 1962.- № 8.
11. **Мендельсон М.** О Джоне Стейнбеке и двух его повестях// Стейнбек Дж. Повести.- М.: Худ лит., 1963.
12. **Мотылева Т.** Непокоренный народ. «Луна зашла» Дж. Стейнбека//Литература и искусство.- 1943.- 4 сентября.
13. **Мулярчик А.С.** Творчество Джона Стейнбека.- М., 1963.
14. **Орлова Р.** Деньги против человечности//Иностранная литература.- 1962.- № 3.
15. **Орлова Р.** Под шутовской маской//Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей.- М., 1962.
16. **Романова Е.** «Философия» мистера Стейнбека//Литературная газета.-1954.-10 июля.
17. **Самарин Р.** Понимаем Вашу тревогу, Стейнбек!//Известия.- 1962.- 10 ноября.
18. **Стейнбек Дж.** Гроздь гнева.- М., 1957. - Стр. 185.
19. **Федоров А.А.** Джон Стейнбек.- М., 1965.
20. **Хмельницкая Т.** «Гроздь гнева» Стейнбека//Литературный современник.- 1940.- № 12.

